



ДЕРЕВЕНСКИЕ
СКАЗКИ

Ольга Пустошинская

Ольга Пустошинская

Деревенские сказки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49601942

SelfPub; 2023

Аннотация

В одной маленькой деревушке живут наши герои, мирно существующие вместе с русалками, лешими и прочими сказочными лесными созданиями.

Содержание

Как Ванятка рыбу ловил	4
Неразменный рубль	7
Кикимора	11
Омут	16
Санька Нытик	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ольга Пустошинская

Деревенские сказки

Как Ванятка рыбу ловил

В одной деревеньке жила вдовая Анисья со своим сыном Ваняткой. Отца-то у них германцы убили на второй год войны, лежит похоронка в сером конверте в буфете за чайничком. Глаза от неё отводит Ванятка.

Бедно живут, едят надоевшие постные щи, да картошку варёную. Ванятка жерлицы на Волге ставит, попадетя карась или ёрш – ущицей побалуются.

Встал утром раненько Ванятка, набросил старый батькин пиджак, и на Волгу побежал жерлицы проверять, которые вечером поставил. Подтянул леску из конского волоса, а там сом попался! Обрадовался Ванятка, рыбину рассматривает. Большой сом, глаза умные, человеческие.

– Ванятка, а Ванятка!

Оглядывается Ваня, понять не может кто его зовёт.

– Экий ты глупый, сюда смотри!

Девка из воды выглядывает. Голову высунула, рукой машет. Красивая девка, глаза зелёные, не видел её раньше Ванятка.

– А ты кто? Я тебя не видел никогда.

– Отдай мне сома, Ваня.

– Хитрая! Мамка пожарит или уху сварит, я у неё один кормилец остался.

– А если я тебе за него сахару дам?

Даже рот открыл Ванятка. Сахар пропал из лавки уже давно, да и купить его не на что, если вдруг бы сахар и появился у лавочника Ульяна Петровича.

– Нет у тебя сахара.

Девка засмеялась заливисто:

– Это верно! Отдай мне сома просто так, это мой любимый сом! – а сама смеётся, зубы белые скалит.

Почесал маковку Ваня и сказал мрачно:

– Забирай.

Девка свистнула, сом подпрыгнул на Ваниных руках и сиганул в воду. Подплыл к красавице, ластится, как кошка.

– А ты чего из воды не выходишь?

– А вот ты уйдешь, тогда и выйду, – опять смеётся девка.

Засобирился парнишка домой, рукой махнул и пошёл в деревню.

– погоди, Ванятка! В сенях мешок гороховой муки у вас лежит, забыла про него мамка-то. Иди, дома тебя заждались!

Ваня бежал домой и думал, что наврала девка про муку, откуда ей там быть? А было бы здорово поесть горохового киселя!

Дома Анисья удивленно смотрела на большой куль с гороховой мукой, найденный в сенцах, и мешочек твердого, как

камень, сахару.

– Откель взялось такое богатство? Не лавочник ли удружил, дай ему бог здоровья?

Пили чай с сахаром вприкуску, наевшись киселя. Мамка радостная и раскрасневшаяся благодарила Ульяна Петровича, а Ванятка про девку помалкивал. А то придумает мамка невесть что, на речку не пустит. А девка эта племянница дяди Прохора из Питера, Яшка дружок сам видел, как она на тройке приехала с сундуком всякого добра, лопни глаза, если вру!

С тех пор жерлицы у Ванятки пустыми не бывали. У других – когда как, а Ванятка всегда с уловом.

Неразменный рубль

Если бы Ваньку и Яшку спросили где находится рай, то они ответили бы, что в лавке Ульяна Петровича. Какие сказочные богатства там хранились! На полу стояли мешки с сахаром, крупой, мукой, бочки с селёдкой. На полках ящики с пряниками, орехами, банки с леденцами, целые связки кренделей, свежий пеклеванный хлеб с изюмом – любимое лакомство Вани.

Раз Яшка Сапог и Ванятка заметили, что соседская курица яйцо снесла под чужим амбаром, вытащили яйцо и обменяли у Ульяна Петровича на стакан семечек.

Устроились удобно на траве, щёлкали семечки и болтали.

– Я слышал, как Санька Нытик рассказывал, что Ульян Петрович у чёрта неразменный рубль выторговал, потому он такой богатый, – сказал Яшка, плюясь шелухой.

– А что за рубль?

– Ну, это такой рубль, который завсегда у тебя остаётся. Хочешь купить кренделей, отдаёшь неразменный рубль, а он опять целенький в кармане!

– Вот бы нам с тобой такой рубль заиметь! – размечтался Ванятка.

– Да... Я бы сапоги с подковами купил.

– А я бы... я бы ружье. Здорово было бы!

– Не так просто его заиметь. Слушай, что Санька гово-

рил...

Открыл Ульян Петрович лавку в селе. Товару закупил много, а торговал плохо. Кто-то подсказал ему как разбогатеть можно, получив неразменный рубль. В ночь на Рождество надо встать на перекрёстке и продавать чёрную кошку. Придёт нечистый и будет торговаться, просить нужно только рубль, он и будет неразменным.

Изловил лавочник чёрную без пятен кошку, и в рождественскую ночь пошёл на перекрёсток, одна дорога которого на кладбище вела. Встал на перекрёстке, кошку придавил, чтобы она замяукала, глаза зажмурил и ждёт, сам от страха трясётся.

Вдруг слышит, как рядом нечистый копытами цокает. Сердце у Ульяна в пятки ушло, сбежать бы рад, да словно к земле прирос.

– Продаёшь кошку? – захихикала нечистая сила.

– Продаю, – мямлит Ульян.

– Сколько просишь?

– Рубль.

– Всего-то? Я даю тебе сто. Отдай кошку – и по рукам.

– Нет, мне рубль нужен, – упорствует Ульян.

И так и эдак склоняет его нечистый продать кошку не за рубль, уже мешок денег предлагает... Но Ульян-то знает, что больше рубля нельзя брать, и на своём стоит. Нечистый, слышь, вьётся вокруг, хвостом задевает, в ухо хрюкает. Где-то в лесу волки завыли, совы заухали. Ульян чуть штаны не

обмочил.

Вдоволь помучив лавочника, нечистый согласился обменять рубль на кошку. Получил Ульян Петрович монету и поспешил домой, а то вдруг передумает нечистый.

На вид рубль оказался обычным, как и все серебряные рубли. Лавочник решил проверить силу монеты, позвал жену в лавку:

– Обслужи-ка ты меня, Ефросинья, будто перед тобой сам генерал! – И рубль достаёт.

– Ты спятил что ли, Ульян? Сам у себя товар покупать будешь?

– Делай что говорю. Взвесь мне фунт кренделей, два фунта пряников и ландрину фунт.

Расплатился неразменным рублём, сунул трясучую руку в карман, а рублик снова там. На радостях вышел на улицу и стал раздавать пряники и конфеты мужикам и бабам, возвращавшимся со всенощной службы.

Зажил хорошо, двухэтажный дом с лавкой построил в хорошем месте. Стал солидным, раздался вширь, завёл работника, чтобы за скотиной ходил.

– Как думаешь, Яша, а у Ульян Петровича ещё есть этот рубль? – спросил Ваня.

– Санька Нытик говорил, что потерял его лавочник. Весной решил путь срезать и провалился под лёд, хорошо, что бакенщик увидел, спас его. А рубль утонул. Ульян его за пазухой в кошеле носил, хватать – а нет кошелья.

– Давай поныряем, вдруг найдём?

– Да где там... Нам с тобой хотя бы самый обычный рубль получить на Казанскую.

– У меня двадцать копеек есть, мамка ещё обещала на праздник. И тебе отец даст, он добрый, – заверил Яшку приятель. – Айда на речку купаться!

Вдоволь наплававшись они отдыхают на горячем песке. Скоро Казанская, светлый праздник!

Кикимора

– Мам, расскажи, как дядьке Ульяну дом строили, – пристала к матери Полинка.

Мать сидела за кроснами, ткала полотно. Руки у неё так и мелькали, нитки, казалось, сами собой в красивую ровную ткань сплетались.

– Сто раз уже рассказывала, дочка.

– Ну и что, нам всё равно интересно, – поддержал Лёша.

Яшка промолчал, он слишком большой для разных баек, но уши наострил. Мать – удивительная рассказчица, речь у неё течёт, как говорливый ручеёк.

– Ну, слушайте, коли охота есть, – соглашается она.

Был тогда Ульян молодым да чернявым. Лавку открыл, да не там, где сейчас, а в проулке. Торговлишка там не шибко шла... Но скопил кое-как денег, позвал плотников и построили они ему дом двухэтажный с лавкой в людном месте, железной крышей крытый.

Ульян и тогда уже был жадноват. Заканчивают плотники работу, тот всё ходит да вздыхает, то к одному придерётся, то к другому. То стены кривые, говорит, то угол просел. Я и кормил-поил вас на дармовщину: и щи с мясом, и каша с маслом, и кисель клюквенный с сахаром! Да ещё и патефон вам включал, музыкой развлекал.

Плотники смекнули куда ветер дует... Ну закончили ра-

боту – Ульянов придрался ещё к чему-то и всех денег не заплатил.

Ой ругались... да без толку всё. Плюнули работники, собрали свой струмент и ушли.

Ульян посмеивался: вот как ловко я работников провёл, а дом-то загляденье. Добротный, просторный, тёплый...

Мать замолчала, поправила что-то в работе.

– А потом что было, мам? – не выдержал Лёшенька.

– Что потом? Да недолго он радовался-то...

Стала жаловаться жена его, Ефросинья, что балует кто-то в дому. Новёхонькую рубаху постирала, сушить повесила – а рубаха вся в клочья изорвана. Чугунок шей кто-то прямо в печи опрокинул. Встала утром однажды, а все волосы всклокочены, запутаны, как мочало...

Она Ульяну жаловаться, а тот на всё отговорки находит.

– Ты сама, Фроська, рубаху порвала... или кошка-зараза когтищами исполосовала. Чугунок криво поставила...

– А волосы?!

– Заплетать на ночь надо-тка, чтобы не лохматились.

Ещё много чего Ефросинья рассказывала: деньги пропали, посуда билась. Сядет ткать за кросна, полотно – загляденье, а за ночь кто-то всё испортит, испоганит, нитки порвёт...

А однажды обедать сели, достаёт Ульянов вилки и ложки из шкафчика, а они узлом все завязаны...

– Как это, мам? – расширила глаза Полина.

– Ну как... как на верёвке узлы, так же и ложки завязаны. Тут уж и Ульян понял, что не кошка это сделала.

Это, говорит, домовый шалит. Надо его задобрить, уважить: молочка в миску поставить, хлебца положить.

Ефросинья всё так и сделала, да только не помогло. Кофту её праздничную снова кто-то изорвал. А однажды не спалось ей ночью, всё ворочалась... И услышала, как бегают кто-то по дому и хихикает. Испугалась страсть... Толкает в бок мужа, а тот знай себе похрапывает.

– И что же она сделала? – подал голос Яшка.

– К ведьмаку пошла...

Его деревенские обходили десятой дорогой – боялись, ну а Ефросинье деваться некуда, пошла...

Тот выслушал, поколдовал что-то и сказал, что кикимора у них в дому завелась.

– Ах, батюшки, – испугалась Фроська, – да откуда же она взялась?

– Обидели, может, кого? – хмыкнул ведьмак.

Ефросинья задумалась. Был её Ульян жаден да завистлив. Мягко стелил, да жёстко спать. В лавке обвешивал и обсчитывал всех подряд. Хоть копейку урвёт, а всё на душе приятственно.

Так что из обиженных очередь можно было от деревни до самого Питера выстроить... Как же из них того найти, кто кикимору натравил?

– Что же делать теперь? – спрашивает Фроська.

– Тот обиженный подложил что-то в доме... ищи, – пожал плечами ведьмак.

Ефросинья весь дом с лавкой перевернула, потратив на это неделю. Каждый аршин прошла, все вещи пересмотрела, но ничего чужого не нашла. А Ульян всё отмахивается. Сама виновата. Есть такие мужики, у которых завсегда бабы повинны.

Она опять к ведьмаку. Ничего не нашла, говорит.

– Не там ищешь, – усмехается тот, – в полу смотри, в стенах, в крыше.

– Как в полу? – испугалась Фроська. – Что же мне, полы ломать? Муж не позволит.

– Ну как хочешь, – засмеялся ведьмак.

Вернулась Ефросинья домой. А тут раз – и всё прекратилось: никто нитки не путает, посуду не бьёт, одежду не портит. Обрадовалась она. Думает: "Вот хорошо, что не послушала ведьмака. Невесть что говорит... Только два рубля жалко, что ему отдала".

Ходит довольная... А у неё ребёночек махонький уже был... Кирька-то.

И вот просыпается однажды, подходит к зыбке, а у сыночка половина головы без волос. Выстриг кто-то.

Вот тут она завопила, заголосила... Ругмя ругала Ульяна, тот к ведьмаку побежал, привёл в дом.

Ходил ведьмак с пруточками, искал какую-то вещь. И в одном месте, в аккурат в углу, прутки-то как зашевелились!

Фрося сама видела...

Ульян работника позвал, велел пол убирать. Доски подняли, а там куколка самодельная из тряпок лежит, соломой набитая.

Ульян тут и вспомнил про плотников, которым не заплатил всех денег.

– А это они куколку подложили, да? – встрял Яшка.

– Эге. Обиделись за то, что Ульян их обманул.

– А что потом было?

– Да ничего. Куколку ведьмак забрал, и всякие безобразия прекратились, – ответила мать.

– Подвела его жадность...

– Только ничему Ульяна на научила кикимора. В лавке так и обманывает, всем завидует... Вот и нашей лошадке позавидовал.

Яшка рассмеялся:

– А что, Лёшка, может, напомнить Ульяну Петровичу про кикимору, а?

Омут

Недалеко от Василёвки был омут с чёрной стоячей и очень холодной водой. Мамки им ребят страшали:

- Вот будешь купаться без креста – водяной утащит.
- Полезешь в воду, когда не след – русалки защекочат.
- Брехня... – говорили ребята, но как-то неуверенно.
- Поди-ка, брехня! А Ваську Потапова кто утопил?
- Да он сам упал.

Хоть пугай, хоть не пугай, но коли жара такая стоит, то кто плохое про омут вспоминать станет? Ребята и девчонки любили там плавать. Кто рыбкой, кто собачкой, кто топориком. Яшка и Ванька наплавались и отдыхали на берегу, закапываясь в песок.

Олькина старшая сестра Оксана, белокожая и рыжеволосая, купалась в рубахе, стесняясь других. Тринадцатый годок ей пошёл, почти девка. Нырять она не умела, плавала осторожно, по-собачьи.

Вдруг Оксана замолотила руками, захлебнулась криком и ушла под воду, только пузыри пошли. Яшка, Ваня и Олька в тот же миг сорвались с места и бултыхнулись с обрыва. Наощупь пытались найти Оксану, потому что сколько ни таращи глаза в чёрной воде, не видно даже собственных пальцев. Остальные ребята бестолково носились по берегу и кричали. Колька Мелкий понял, что плохо дело и в деревню за взрос-

лыми побежал.

Мокрые и дрожащие Яшка с Ванькой сидели на берегу, Олька плакала рядом с воющей матерью.

– А слышали, как гончаровскую молодуху водяной утащил? Без креста купалась, вертихвостка, – вспомнил лавочников сын Кирька.

Кто-то из ребят отвесил ему подзатыльник.

– Дурак! Будешь болтать, так и тебя утащит!

Мужики в лодке шарили в мутной воде баграми и забрасывали невод в указанном месте. Ребят погнали по домам, они неохотно побрели в деревню, только Оля осталась стоять с матерью.

– Мне жалко Оксю, – сказал Ванятка, вытирая глаза.

– И мне жалко, – отозвался Яшка. – Её водяной утащил, Окся теперь русалкой будет.

– Знамо дело. Все утопленницы русалками становятся. Ночами хороводы водят и волосы расчёсывают. А как надоест, так людей заманивают в воду и топят. Ваську Потапова утопили, помнишь?

– Васька напился вина на станции и сам в воду упал, – резонно заметил Яшка.

– Ага, сам! Тетка Дарья сказала, что утопили.

– Окся не будет заманивать, она добрая.

– Да, добрая, почти как Олька, – проговорил Ванятка.

В ту ночь в доме пастуха спал только меньшей Лёнька в зыбке. Пастух Влас зажёл лампадку перед образами и тяжело

опустился на лавку. Его жена Васёна лежала на кровати без сил, уставившись немигающим взглядом в одну точку. Было так тихо, что слышно, как шуршали тараканы за печкой.

Вдруг послышалось какое-то царапанье в дверь. Никто не повернул головы и не поспешил открывать. Оля тихонько спустилась с печки, откинула дверной крючок.

На пороге стояла Оксана с белым бескровным лицом, с мокрых волос и рубахи капала вода. Олька взвизгнула и бросилась к отцу, ища защиты.

Безмолвная Оксана стояла в дверях без движения. Мать осторожно приблизилась к ней, коснулась лица, провела рукой по телу.

– Живая, живая... Царица небесная, заступница! Она живая! – зарыдала Васёна, падая на колени перед дочерью и обнимая её.

С печки торопливо спрыгнули дети, подбежал отец, зацепив ногой лавку. А Оксана стояла неподвижная и безучастная к восторгам родни...

Оксю доктор признал помешанной, а бабы говорили, что в девку вселилась нечисть. Она не разговаривала, сидела, где посадят, ела после указания, воду не пила – боялась. После её чудесного спасения обнаружилось, что пропал крестик на простой верёвочке, видимо смыло водой. Мать хотела надеть на Оксю новый, но едва поднесла крестик к голове, как Оксана зарычала и шарахнулась от матери, забилась в угол и так сидела до ночи, как зверь.

Было решено повести Оксю в церковь. Не успели дойти до церковной ограды, как помешанная повернула обратно.

– Ну что же ты, Окся, пойдём, не бойся, – потянула за руку мать.

Оксана мычала и выдёргивала руку, злобно смотрела из-под спутанных рыжих волос. Васёна тогда пошла и бросилась в ноги соседу Михаилу, выпросила лошадь с тарантасом, чтобы Оксю в монастырь везти. Михаил лошадь дал, да ещё и конюха своего.

У Ольки появилась новая забота – пасти коров, пока отца нет. Ванятка прибежал к ней на выгон, делился краюшкой хлеба или редкостного пирога с капустой и яйцами.

– Не вернулись ещё, – говорила она, – должно быть завтра...

Уплетая горячие лепёшки со сметаной и поглядывая в окно, Ванятка увидел, что сам пастух повёл стадо на выгон.

– Никак, приехали, – сказала мать. – Слава тебе, Матерь Божья, заступница...

Ванятка наскоро допил чай, сунул потихоньку кусок сахара в карман и выскочил из дома. Ноги сами принесли его к знакомому ветхому дому. Приладив пальцы, он посвистел. На покосившееся крыльцо выбежала Ольга.

– Приехали? А Окся где?

– Спит она. Худая-прехудая... Там бабы к мамке пришли... Заходи, можно.

В избе у пастуха кипел самовар, Олькина мамка угощала

соседок чаем.

– Ой, бабоньки... Я такого в жизни не видела. Привязали к кровати мою голубку, а она воет и кричит по-звериному, кусает ремни. Меня отец Фёдор оставил, Власу велел выйти. Стал читать над ней, и будто ветер налетел, вода стала по стенам бежать. А он читает и читает...

–Ах, Господи, прости нас, грешных! – крестились соседки.

– Потом говорит: как имя твоё? А Окся молчала столько, а тут стала сквернословить и богохульствовать, биться так, что кровать ходуном. А отец Фёдор не отстаёт. Пошёл вон, грит, оставь эту отроковицу. А потом Окся задыхаться стала, вода чёрная изо рта пошла... И облако чёрное вылетело, будто из комаров и мошек.

– Ужаси-то какие! Как она сейчас?

– В себя пришла, слава тебе! Слабая только. И не помнит ничего...

Дурная слава об этом омуте быстро разошлась. Купаться там перестали, а если кто мимо проходил, то шаг ускорял, будто пятки горели.

Санька Нытик

Жила в деревне за Волгой семья: отец с матерью и двое сыновей-погодков. Старший сын Мишка, крепкий, как грибок – отцов любимец, а младший всё при матери, заласканный, да зацелованный. Санька Нытик по прозвищу.

Станут ребята в "куру" играть или чехарду, так Санька Нытик всю игру испортит, да матери нажалуется, будто обижают его. Отцу досадно, а матери жаль своё дитя, утешит, слёзы подолом вытрет и пряник сунет.

Время шло, а Санька Нытик таким же нытиком и остался, не парень, а недоразумение одно. Злым и завистливым сделался, всё подмечал: кто ест сытнее, кто пьёт слаще.

Женился Санька, взял в жёны девку сварливую да склочную. Кошка с собакой и то дружнее жили, чем Санька Нытик со своей Анной.

Придёт Санька к матери, начнёт жаловаться на Анку. И кричит она, и дерётся она, и за хозяйством плохо следит. А у Мишки жена Иришка и добрая, и милостивая, и деньги-то водятся. А у Анки, как в бочку бездонную утекают.

Мать поохает, пожалует кровиночку, да денежку сунет. На, мол, Санечка, купи себе пряничка.

Старший Михаил скопил со временем денег, купил коня и кобылу на племя, стал лошадёй разводить. Дом добротный построил. Уважение заслужил, все по имени-отчеству

его кличут: Михайло Иваныч. А Саньку всё Нытиком называют.

Темнее тучи Санька ходит, косится на брата, копит злобу. А в глаза улыбается, по плечу похлопывает.

И решил не хуже зажить любой ценой. Всю голову сломал, пока думал. Как стемнело, пошёл Нытик к ведьмаку. Дурная слава о том ведьмаке шла, обходили его деревенские десятой дорогой.

– Чего припёрся? – поприветствовал Нытика ведьмак.

– Я это... хочу быть на месте брата! Чтоб и дом, и деньги, и конюшня моими были, – выпалил Санька.

– Ишь ты! А брата куда?

– Ну... конюхом при конюшне будет, хорошие работники всегда нужны. А жена его у меня в прислугах ходить будет. Кофий мне подавать.

Расхохотался ведьмак, как филин заухал:

– Ладно. Хы-хы... Два червонца, деньги вперёд... Слушай сюда. Пойдёшь к Михаилу в дом незаметно и сделаешь как скажу...

На другой день едва дождался Нытик, когда брат с женой из дома уехали, пробрался тихо мимо конюха и юркнул в дверь. Огляделся: нет никого. Схватил щепоть соли из солонки, отломил кусочек хлеба от каравая. Стал рыться в одежде, выбирая рубаху. И вдруг замер, услышав голосок:

– Дядя Саша, ты чего ищешь?

Глянул на печь, а там дочь Михаила сидит, играет со своей

городской куклой.

Чуть в штаны на надел Нытик от страха. Стал лепетать, что в голову пришло:

– Варенька... я рубаху порвал, у тятки возьму, а потом верну. Не говори никому, эге?

– Ладно, не скажу, – пообещала Варя. – Дядя Саша, да ты бы у тяти спросил, он тебе сам рубаху даст.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.